

ЛАЗАРЬ
КАРМЕН

На дне Одессы

МОСКВА

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

ЛАЗАРЬ
КАРМЕН

На дне Одессы

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К24

Оформление серии *Н. Ярусовой*

В оформлении обложки использованы фрагменты работы
художника Теофиля-Александра Стейнлена

Текст печатается по изданию: Лазарь Кармен. На дне Одессы. —
Б. м.: Salamandra P. V. V., 2022. — 258 с.: ил. (серия «Темные страсти»)

Кармен, Лазарь Осипович.
К24 На дне Одессы / Лазарь Кармен. — Москва : Эксмо,
2025. — 416 с. — (Всемирная литература (с картинкой)).
ISBN 978-5-04-215164-4

Одесса. Город, где море смеется волнами, а улицы шепчут греховные соблазны. Надя приехала сюда за счастьем — а нашла лишь грязь, предательство и долгий путь на дно. Лазарь Кармен без прикрас рисует жизнь одесского подполья: воровские притоны, трактиры, где льется дешевое вино, и публичные дома, ставшие последним пристанищем для тех, кому некуда больше идти.

Общество называло проституток «живым товаром», «падшими созданиями», не желая видеть за этими ярлыками настоящих людей. Но за каждым именем — судьба: Надя, Бетя, Роза-цыганка, Саша-Шансонетка, Тоска, Цукки, Ксюра Пожарная Бочка, Сима Огонь... Их истории сплетаются в единую картину падения и отчаяния.

Лазарь Кармен (настоящее имя — Лазарь Осипович Коренман, 1876–1920) — журналист и публицист, которого называли «одесским Горьким» за глубокое сочувствие к униженным и обездоленным. Его роман «На дне Одессы» (1904) — предтеча «Ямы» А. Kupрина и «Одесских рассказов» И. Бабеля.

В книгу также вошли: «Ответ Вере» (1903), написанный вместе с В. Жаботинским, публицистические брошюры «Берегитесь!» и «Проснитесь!» (1904), составленные автором для одесского филиала Российского общества защиты женщин — это воззвания к проституткам-одиночкам и обитательницам «веселых домов», где он не только обличает систему, но и предлагает реальную помощь.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-215164-4

© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2025

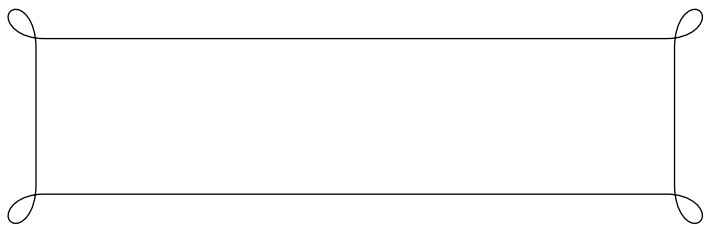
.....
————

На дне Одессы

————
.....

Посвящается
*Александру Валентиновичу Амфитеатрову*¹

¹ Автору «Мари Лусевой» и «Женского нестроения».

Помните заключительную картину в «Вишневом саде»? Снаружи кто-то заколачивает окна. Стук, стук! Стук этот, подобно гвоздям, впивается в ваше сердце. От покинутого всеми дома веет могильным холодом. Перед вами — настоящий склеп. Неподвижные тени, массивная мебель, и — ни души. Но вот кто-то зашевелился на диване. Кто это? Человек. Фирс. Усталыми глазами он обводит пустую комнату, и у него вырываются душу щемящие слова:

— Про меня забыли..

Страшно! Человека забыли.

А сколько таких, как он, *забытых* людей?! Сколько таких Фирсов?! Тысячи, сотни тысяч.

Например, проститутка. Мы загнали ее в самую отдаленную улицу, в самый глухой закоулок и забыли о ней. Правда, изредка мы вспоминаем и заговариваем о ней в обществе и в печати, но как о прокаженной. И большей частью разговоры наши сводятся к тому, чтобы как можно больше унижить ее полицейскими мерами, придушить, сжать ее в тисках желтой книжки для сохранения здоровья нашего милого юношества.

Какая глубокая чеховщина сквозит в этих разговорах! Какие сумерки, какой эгоизм и животное чувство самосохранения!

Наше юношество! Это розовое, сытое, изнеженное юношество удивительно напоминает Бобика из «Трех сестер», а печать и общество — его гусыню-маменьку.

Бобик спит, и все должно притаиться, ходить на цыпочках; потушены огни и отменено всякое веселье. Так и с нашим юношеством. Здравый рассудок, совесть, справедливость и сострадание стусевываются, как только заходит речь о том, что его здоровью грозит опасность от проституции. В результате — *десятки тысяч женщин* обречены на полную забывчивость, загнанность и индифферентность. И никому нет дела до их души, до их страданий и до того, что среди бела дня они тонут.

Я не могу отказать себе в удовольствии привести прелестное стихотворение поэтессы-девушки Алисы Шамбрие — шведки, переведенное А. П. Барыковой:

Перо

Раз увидала я, как перо белоснежное
Потерял из крыла голубок;
И упало оно, — серебристое, нежное,
Прямо в уличный грязный поток.

Лишь мгновенье кружилось оно, колебалось
И в паденьи своем роковым
Трепетало от страха и боли, — казалось, —
И защиты искало кругом.

Не нашло... И, как будто с тоской безотрадною,
Опускалось быстрее и быстрее;
И беспомощно пало над лужею смрадною,
С белизною прощаясь своей.

Сердце часто тревожится всякою малостью,
Смутной грезой, явленьем простым..
За пером этим белым следила я с жалостью,
Как за чем-то живым и родным.

Мне припомнились женские души несчастные,
Те, что в омуте мира скользят
В темноте, без поддержки, тропинкой опасною,
Где ползет им навстречу разврат.

Сколько их, обреченных соблазнам, страданиям,
Бьется, гибнет у нас на глазах?
Кто считал эти жертвы? Кто падшим созданиям
Подавал руку спасенья впотьмах?

Нет спасения им! Вечная мгла непроглядная
Застилает им путь роковой.
Они падают в грязь, и толпа беспощадная
Топчет их равнодушной ногой.

В предлагаемых мною очерках я постарался, насколько мог, изобразить *тех*,

...что в омуте мира скользят
В темноте, без поддержки, тропинкой опасною.

И я был бы чрезвычайно рад и счастлив, — говорю искренне, — если бы общество, прочитав их, посмотрело бы наконец на этих несчастных, как на сестер.

Пора! Давно пора переменить свои дикие взгляды на проститутку, как на прокаженную, протянуть ей руку и обласкать ее! Надо ударить в набат!..

Заканчивая свое предисловие, я хочу сказать, что, помимо желания вселить в читателя симпатию к про-

ститутке, мною руководило еще одно желание — познакомить публику с растлевающим влиянием большого города на «пришлый» элемент. Вопрос о таком влиянии большого города всегда занимал меня, так как я видел сотни ужасающих примеров. Являются из деревень люди — цветущие, здоровые, и смотришь: в год-два сошли на нет. Они сварились в городском котле. И это объясняется весьма просто: современный, так называемый — культурный, европейский город прогнил насквозь. Все в нем гнило: и дома, и люди, и жизнь.

Примером растлевающего влияния на пришлый люд большого города может служить, надеюсь, героиня моих очерков — Надя с Днестра.

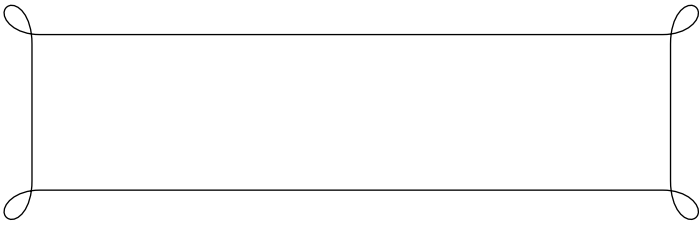
Надя — дикая утка!

Благодаря печальному стечению обстоятельств она залетела в город. И что он сделал с нею?! Обломал ей крылья и выщипал у нее все перья.

Мне жаль ее! Жаль всех диких уток, залетающих в город.

Кармен

I

ДИКИЕ УТКИ

Наде было 22 года, когда она вместе со своим дядей Степаном, старым 65-летним рыбаком и охотником на диких уток, оставила родную деревню Рокусоляны и приехала в Одессу.

Красивая деревня — Рокусоляны. Она стоит на небольшой возвышенности над самым Днестром и почти целиком отражается в его мутноватой воде, как в зеркале, своими хорошенькими синими хатами, садиками, глиняными заборами, церковкой, рыбацкими сетями, развешанными для просушки на высоких колышках, и босоногими и белобрысыми мальчуганами.

Мимо деревни весь день с резким криком, стаями тянутся к плавням дикие утки и бегут, надувшись, как индюки или московские купчихи, парусные шляпки.

Когда над Днестром не висит, как проклятье, туман, и ярко светит солнце, и воздух чист и прозрачен, то из Рокусолян отчетливо видны — справа, далеко за кривой линией скал, теснящих Днестр, поэтический мыс Рог с его спасательной станцией, а напротив, за широкой сверкающей полосой воды,

на противоположном берегу — плавни «ериков»¹, длинная, низкая и черная стена Шабских виноградников и турецкая крепость и казармы Аккермана, к которому, переваливаясь с боку на бок, как утка, и дымя густым черным дымом, ползет вместе с пассажирами из Овидиополя жалкий катер.

В такой день в Рокусоляны доносятся из Шабо и Аккермана лай собак и гул.

Хорошо в такой день посмотреть на Днестр и на противоположный берег. Но еще лучше посмотреть на все это во время захода солнца, когда оно выплывает из-за фиолетовой тучи огромным раскаленным шаром, сыплющим огонь, отбрасывает по воде до половины Днестра косой, огненный и дрожащий столб, зажигает плавни, виноградники, и весь берег, весь горизонт горит, точно город, подоженный неприятелем. И на это пламя, на этот пожар несется к плавням на ночевку целая улица диких уток.

Рокусоляны не только красивая, но и богатая деревня. Жители ее — народ здоровый, занимаются хлебопашеством, перевозкой пассажиров на лошадях и лодках, виноградарством, почему у каждого рокусолянца для хорошего гостя найдется стакан вина, рыбной ловлей и охотой на перепелов, куропаток и диких уток.

Надя и Степан, родившись в Рокусолянах, любили свою родную деревню и буйный, капризный Днестр больше всего на свете. Они никогда не оставили бы их, как не оставила бы добровольно морское дно рыба, если бы не судьба.

Надя рано осиротела. Дядя-бобыль предложил ей поселиться у него. У него был дом и хозяйство. И она поселилась.

¹ Искусственные каналы, в которых ловят кефаль (Здесь и далее прим. авт.).

Дядя был добрый, честный, любил ее, как родную дочь, и никогда не обижал. И она в свою очередь любила его, как отца. Как страстный охотник на диких уток, он по целым дням, а иногда и по ночам, пропадал на воде в своей легкой шлюпке и в плавнях и стрелял уток.

«Бах, бах!» — часто доносилось с Днестра в деревню.

— Это дядя Степан, охотничек милый наш, стреляет, — говаривали рокусолянцы.

А Надя во время его отсутствия занималась хозяйством.

Оба жили, как говорится, припеваючи. Недостатка у них ни в чем не было. У них постоянно в чулане стояли два-три бочонка с вином, в хлеву корова, две лошади и лежали без движения два раскормленных до издыхания борова, а во дворе весело кудахтали и скребли землю несколько семейств кур и другой птицы.

Нередко Степан брал с собою на охоту Надю и они оба часами носились по Днестру. Надя, раскрасневшись от удовольствия, сама крепила шкот, убирала паруса, когда стихал ветер, и бралась за весла. Степан в это время, держа ружье наготове, выжидал момента и, когда высоко над шлюпкой взвивалась утка, спускал курок.

Иногда заряд не достигал цели и утка, разразившись насмешливым криком, спокойно продолжала свой путь к плавням. Степан тогда злился, бранил ружье и сердито кричал Наде:

— Крепи шкот! Чего смотришь?! Чучело!

А иногда, раненная в грудь или в шею, утка камнем падала вниз, становилась крыльями на воду, царапала ее, вертелась, билась и жалобно кричала.

Степан поворачивал шлюпку, подъезжал к ней и добивал ее веслом. Хорошее было время!

Для Нади стал наклеиваться жених — Федор. Здоровый, как буйвол, гроза овидиопольских и ма-якских парней, румяный, смелый. Лучшим доказательством его смелости служили — медаль общества спасения на водах, постоянно висевшая у него на груди, и похвальный лист того же общества, висевший на стене в его хате. Федор на своем веку — ему был 21 год — спас шестерых человек.

После нескольких визитов к дяде Степану Федор сделал Наде предложение. Надя охотно согласилась, и с этого дня по воскресеньям, как принято в Рокусолянах и в прочих деревнях на Днестре, она прохаживалась по улицам мимо мальчишек, игравших в бабки, в праздничном платье и в белом венце на голове, какие носят невесты. Венец этот свидетельствовал о том, что она сосватана. И здоровенные рокусолянские парни, попадавшиеся ей навстречу стадами буйволов, почтительно сторонились, прикладывались руками к картузам и не трогали ее ни единым неприличным словом.

Свадьба ее и Федора должна была состояться через три месяца. Вдруг... пожар.

Дядя Степан обронил в хлеву сигарку, солома вспыхнула и пошло, пошло... В три часа от всего, кроме обгоревших балок, обуглившихся трупов коровы, лошадей, боровов, кур и покоробленного ствола старого ружья Степана, которым 20 лет он бил уток, ничего не осталось.

Надя, глядя на огонь, рвала на себе волосы, билась головой о землю, а потом побежала к Днестру топиться. Но ее удержали. А дядя Степан в это время стоял посреди двора, как в столбняке, мутными

и ничего не выражающими глазами глядел на горящее добро и бессмысленно шептал:

— Так его, дядю Степана. Так его, охотничка нашего милого. Жарь!

Степан и Надя обнищали. Федор в этот же вечер отказался от невесты.

— На что мне нищая, коли за меня пойдет любая из Одополя (Овидиополя) или из Малой Вакржи (село).

Надя и Степан приняли его отказ довольно спокойно. Так и следовало ожидать.

Ночь после пожара Надя со Степаном провели у соседа. Несмотря на тяжелую ночь, они встали рано, и Степан сказал Наде:

— Едем сейчас же в Одессу. Может быть, Бог даст, заработаем там что-нибудь и тогда вернемся назад. Хату выгоним, ружье заведем и все прочее. А так жить здесь нельзя.

И они поехали.

Всю дорогу от Рокусолян до Одессы Надя плакала. Тяжело было ей, очень тяжело расставаться с родной деревней, с Федором, которого сильно полюбила, но пуще всего — с Днестром.

Днестр, когда они оставляли деревню, так шумел, так шумел. Он точно упрекал ее в неблагодарности, в измене. И этот шум преследовал ее до самой Одессы.

Степан искоса поглядывал на нее, качал головой, хмурился и незаметно для нее смахивал слезы.

* * *

Недолго искали они работы в Одессе. Степан на третий день попал в каменоломню на «Кривой балке», а Надя — на службу, в качестве служанки, к небогатой польке.

Прошло полгода. Живя на всем готовом, Надя понемножку отложила в сундук 20 рублей и справила себе праздничное платье. Отложил небольшую сумму и Степан.

Надя встречалась с дядей довольно часто. Он являлся к ней каждое воскресенье со связкой семитатных бубликов и с яблоками или с баночкой дешевого меда, чисто-начисто выбритый, причесанный, в высоких чищенных сапогах и расшитой сорочке.

Надя к его приходу надевала свое новое платье — зеленую юбку, красную с цветочками кофту, повязывалась шелковой косынкой с прекрасно отпечатанным на ней портретом о. Иоанна Кронштадтского, и оба отправлялись в церковь.

Из церкви они возвращались назад на кухню, пили, к неудовольствию хозяйки, чай с бубликами и яблоками и вели беседы. Степан рассказывал чудеса о каменоломнях, которых Надя никогда не видала, о колодцах глубиной в 24 сажени, об узких под землей и длинных в версту и в десять верст ходах, в которых легко заблудиться. Рассказывал о том, как там тяжело дышать, как там, вследствие спертости и тяжелого, как свинец, воздуха, немилосердно копят лампы и с головы до ног засыпают каменщика сажей, как «подшкурная» (подпочвенная) вода часто размывает потолки, как потолки эти валятся и убивают каменщиков, как три дня тому назад на его глазах оторвался кусок потолка и отрезал ноги молодому каменщику и как тот кричал — «Что я буду теперь делать!? На что я теперь, калека, годен?!»

Надя, слушая дядю, менялась в лице. Менялся в лице и сам Степан, рассказывая слегка дрожащим голосом все эти ужасы.

— Каторжная работа, — заключал он всегда с глубоким вздохом. — Да не я один работаю. Тысячи людей. Жрать ведь всем хочется. Не всем же писемоводителями и купцами быть. Эх! Как вспомнишь, скорчившись, как покойничек, в «припоре»¹, Днестр, родной Днестр, сердце так и прыгает, так и прыгает. Лом и пила из рук валятся.

Когда Степан заговаривал о Днестре, голос его из дрожащего и сердитого переходил в ровный и радостный.

— Как ты думаешь, Надюшек, — с Днестра-то нашего родного, с воздуха-то его да в землю, в самую середину, где одни пауки и черви?.. Бррр! Или сюда вот, — и он обводил рукой грязную кухню, наполненную дымом и угаром. — А хорошо бы теперь, Надюшек, покачаться в шляпке возле Шабо и поглядеть на уток. Ах вы, уточки мои! «Гулиньки, гулиньки! Ась, ась! Гули, гули!»².

И старый неисправимый охотник распускался в счастливую улыбку.

Надя так же распускалась в такую же улыбку и что-то отвечала ему. Но он не слушал ее. Он находился далеко-далеко от этой смрадной кухонной обстановки и ужасного колодца, где воздух тяжел, как свинец, и где сажей от коптящей лампы с ног до головы засыпает каменщика. Он качался возле Шабо на своей шляпке, крепил шкот, спорил с ветром, любовался пожаром Шабо, подоженного заходящим солнцем, вдыхал здоровый воздух и стрелял уток. Бах, бах! Недаром глаза его в это время были устремлены в одну точку, светились особым светом, грудь часто вздымалась и ноздри раздувались.

¹ Комнатка, вырезанная в каменоломне.

² Так подманивают в деревнях на Днестре уток.

Надя, глядя на дядю, умолкала и также уносилась на Днестр. И глаза ее засвечивались таким же светом, как у дяди.

— Помнишь, — вдруг отрывался от своей точки Степан, — как мы с тобой, Надюшек, в ту погоду... Ветер-то какой был. А зыбь?! Крен — во какой. Грот как надулся. Чуть не треснул... И страшно, и весело было.

— И страшно и весело было, — мечтательно подтверждала Надя и любовно прижималась к дяде.

— Скоро, скоро вернемся туда, — оживлялся все больше Степан. — Новую хату выгоним, синькой распишем ее, лодку новую заведем, хозяйство... А я позавчера у Иенча (ружейный мастер) в «Палероляле» (Пале-Рояль) ружье торговал. Хорошее ружье. Бьет здорово и легкое. Только дорогонькое. А я беспременно куплю его. Мне приказчик обещал уступку сделать. То-то будет охота!.. Эх вы гуленьки мои, гуленьки! Ась, ась!

Наступала длинная пауза, в течение которой оба мысленно носились над Днестром. Но вот мечтательность покидала Степана. Он делался мрачным, брал Надю за руку и говорил, глядя в сторону:

— Вот что, Надюшек. Если что со мной случится... Все мы под Богом ходим... Кто его знает?.. Потолок может обвалиться, и меня... того... ухлопает... Тогда немедля, слышь, поезжай в деревню. Без меня здесь тебе оставаться никак нельзя. Пропадешь.

Наде после этих слов становилось жутко и страшно. Видя ее изменившееся лицо, дядя напускал на себя беспечность и замечал с неестественным смехом:

— А я, брат, Надюшек, пошутил... Ну и заживем же мы с тобой с Божьей помощью. Замуж выйдешь и все такое хорошее... Погоди только...

Надя успокаивалась.

Однажды Надя прождала напрасно дядю целое воскресенье. Потом — другое и третье.

«Что с ним? Уж не случилось ли чего?.. Спаси нас, Царица Небесная», — молилась Надя.

Настало четвертое воскресенье. Дяди опять нет. Надя, не на шутку испугавшись, отпросилась у хозяйки, села в вагон конки и поехала искать его. Дядя в последнее время работал в колодце какого-то Орлова за Слободкой-Романовкой.

День был прескверный. Лил дождь с утра, и стоял туман. Надя высадилась в конце Слободки, сделала по грязи около 200 шагов, миновала страшный желтый дом и остановилась. Перед нею лежала степь, накрытая туманом. Мимо Нади проползали, увязая по самую ось в грязи, узенькие тележки с желтым камнем и хилые, промокшие до костей лошадки. Рядом с тележками шли закутанные в кожухи и мешки возницы.

— Где тут колодезь Орлова? — спросила Надя одного.

Возница остановился, повернул к ней свое мокрое бородатое лицо и спросил:

— Какого? Их тут два колодца Орловых. Один — Ивана Петровича, другой — Григория Петровича.

— Кажется, Григория Петровича.

— Ступай туда, прямо, — ткнул он в туман кнутовищем.

Надя поблагодарила и пошла. Продолжая спрашивать попадавшихся ей по пути каменщиков, она с трудом, благодаря непролазной грязи, добралась до колодца.

Надя, никогда не выдавшая колодца, была поражена сходством его с виселицей¹.

¹ Сходство это делают снасти — два столба по бокам колодца с перекладиной.